

УДК 94(47):339

doi 10.17072/2219-3111-2024-1-181-187

Ссылка для цитирования: Шнейдер К. И. Заметная история «неблошиного» масштаба. Мнение постороннего // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1(64). С. 181–187.

ЗАМЕТНАЯ ИСТОРИЯ «НЕБЛОШИНОГО» МАСШТАБА. МНЕНИЕ ПОСТОРОННЕГО

К. И. Шнейдер

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

kshneyder@yahoo.com

SPIN-код: 2226-8260

В гуманитарном знании во второй половине прошлого столетия произошли революционные изменения. Традиционная современная парадигма с ее линейным, прогрессистским трендом изучения макроисторических процессов подверглась жесткой критике. Глобальные, непредсказуемые события лишь усилили академический скептицизм и сместили акценты от исследования привычной идеологической, институциональной, политической тематики в сторону рассмотрения частных сюжетов незаметной повседневности «маленького человека», *memory-studies*, новой интеллектуальной истории, культурной антропологии, публичной истории. Существенно преобразился комплекс исторических источников в пользу активного использования семейных эго-документов, визуальных и гендерных свидетельств восприятия прошлого. В представленной статье предпринимается попытка анализа базовых положений книги И. В. и Н. В. Нарских, посвященной изучению феномена блошиного рынка в методологической оптике «культурного поворота». Авторы являются профессиональными историками и социологами, определяющими жанр своего произведения как «лирическую историографию». Они имеют достаточный опыт включенного наблюдения за функционированием блошиных рынков как в России, так и в ряде европейских стран в новейшее время. В книге присутствует пространственный экскурс в историю формирования традиции купли-продажи старинных вещей, пристальное внимание уделяется определению основных понятий, удачно концептуализируются нормы и практики существования изучаемого явления. Следует отметить новаторство авторов работы, так как ранее блошиные рынки не становились объектом специального академического интереса. К числу безусловных достоинств книги относится доступный язык изложения разнообразного материала, что определяет научно-литературный стиль, доминирующий в тексте. Анализируемая в статье книга имеет серьезные шансы стать заметным явлением в развитии современной отечественной историографии.

Ключевые слова: блошинный рынок, новая культурная история, антиквариат, история России, материальная история, коммуникация, «лирическая историография».

В академической среде существует известная традиция устраивать презентации своих научных трудов. Это отнюдь не ярмарки тщеславия, как может показаться кому-то, а необходимый механизм интеграции написанного текста в историографическое пространство как минимум профессионального сообщества. Во-первых, широкая публика встречается с автором(-ми) лицом к лицу (*face to face*), во-вторых, может составить представление о масштабе личности исследователя(-ей), задав самые неожиданные вопросы. Немаловажной частью презентационного действия является неформальное общение после официальной процедуры (*academic after party*).

Одним приятным вечером в уютном месте в г. Перми состоялась презентация книги «Незаметные истории, или Путешествие на блошинный рынок (Записки дилетантов)» [Нарский, Нарская, 2023] историка Игоря Нарского и социолога Натальи Нарской, творческого семейного тандема из Челябинска. К сожалению, на самом мероприятии присутствовал только Игорь Владимирович, но это никак не отразилось на содержании и драматургии встречи, которая длилась долго и была завершена уже волевым решением организаторов к неудовольствию многих гостей, продолживших диалог с автором в кулуарах.

Среди тех, кто подошел к Игорю Владимировичу, был мужчина средних лет, не принадлежащий к академической среде, но явно погруженный в материал. Разговор начался с его утверждения о безусловной полезности для читателей приписки в заглавии книги – «Записки дилетантов», что сразу же повысило интерес к собеседнику, от которого ожидали немедленных объяснений. К немалому удивлению слушателей он отметил очевидное несоответствие между практикой функционирования «блошки» и текстом представленной книги. Однако автор не успел обидеться, так как сразу получил интересное предложение посетить пермский блошинный рынок и осуществить опыт включенного наблюдения в полевых условиях.

Возможно, этот диалог двух заинтересованных сторон в очередной раз продемонстрировал разницу между теоретиком и практиком в рассмотрении того или иного социокультурного феномена. Однако Игорь Владимирович и Наталья Васильевна вряд ли согласятся с таким выводом. Они вместе прошли огонь, воду и медные трубы не только отечественных блошинных рынков, но могут похвастаться знанием обустройства и функционирования европейских аналогов. В периоды своих зарубежных командировок авторы книги провели немало времени на «блошках» Германии, Швейцарии (и не только), неоднократно стояли за чужим прилавком (что говорит о доверии, которым они пользовались у местных торговцев), приобретали товары и вместе с ними получили необходимый экспертный рейтинг для профессиональной оценки выставляемого изделия. Поэтому я бы переформулировал содержание высказывания пермского амбициозного слушателя на презентации книги: выражение «Записки дилетантов», скорее всего, свидетельствует о принятой в настоящей академической среде осторожности и имплицитной толерантности нарратива, который предлагается на суд специалистов и читателей по любой теме. И. В. и Н. В. Нарские, будучи выходцами из научной гуманитарной среды, априори пользуются известным представлением о вариативности самой природы историко-культурного знания.

Неизбежно возникает вопрос: перед нами результаты научного исследовательского проекта или текст, выполненный в ином жанре, например, беллетристики, литературно-художественных заметок с культур-антропологической оптикой включенного наблюдения? С одной стороны, нигде не фигурируют слова «монография» или «научное издание», а есть только неопределенная идентификация – «книга». Более того, сами авторы настаивают на отказе от «птичьего языка “посвященных” профессионалов» и желании «прибегнуть к прямому обращению к читателю, минуя экспертное сообщество» [Там же, с. 44]. Казалось бы, ситуация не вызывает каких-либо сомнений.

С другой стороны, зачем же тогда обращение к методологическим сценариям Г. Гадамера, Р. Барта, Й. Хейзинги, К. Гинзбурга, Б. Латура, М. Бахтина и т.д. (ч. I, гл. 1), скрупулезное внимание к «истории понятий» и академическое погружение в исторический контекст проблемы генезиса «блошиной» традиции? Кроме того, И. В. и Н. В. Нарские артикулируют свою связь с научным знанием, заявляя, что написанная книга есть продукт соединения литературы и науки. Они сами определяют жанр работы – «лирическая историография» [Там же], с ее особенной формой интеллектуального письма, где в центре внимания находится «я-рассказчик», эмоционально насыщенный апеллирует окружающей действительности.

В соответствии с этим формируется вся драматургия повествования в книге. Строгая событийность уступает место тем или иным системообразующим частным нарративам, расположенным, на первый взгляд, хаотично, но проблемно оправданным. Например, после первых «объяснительных» сюжетов (ч. I, гл. 1) следуют персонифицированные монологи о «детских травмах» любви к старине, первичной «блошиной» социализации и взаимного портретирования (ч. I, гл. 2–3).

И. В. Нарский трепетно вспоминает первые опыты соприкосновения с раритетными вещами в доме своих близких родственников в советском городе Горьком (ныне Нижний Новгород). Важно заметить, что маленького Игоря впечатлили не только визуальные картинки антиквариата, но и их функциональное использование в повседневном быту. Бабушка гладила не «утюгом, а длинным ребристым рубелем, с грохотом катающим тяжелую скалку с намотанным на него бельем» [Там же, с. 72]. А еще она профессионально обращалась с машинкой «Зингер», имевшей дореволюционную биографию. В данном случае можно говорить о пересечении про-

странства и времени, пространства советской квартиры и новой жизни артефактов прошлого. Старые вещи сохраняли свое бытование, формируя определенный аксиологический ряд в сознании ребенка.

Схожие сюжеты «блошиной» социализации обнаруживаются в подробном рассказе Н. В. Нарской о своем детстве и жизни в старом доме бабушки и дедушки. В ее памяти отчетливо присутствуют интерьеры комнат, мебель, фотографии, настенные репродукции и другие атрибуты советского быта. В частности, маленькая Наташа помнит венские стулья, скатерть с кистями, комод, швейную машинку (естественно, «Зингер»), одеколон с резиновой грушей-распылителем и многое другое. Поэтому у читателя неизбежно складывается картинка профессионального родства душ будущих авторов книги, одинаково способных дать шанс старине на реинкарнацию.

Все это легко прочитать в следующем разделе (ч. I, гл. 3), посвященном кросс-антропологическим зарисовкам друг друга. Они оба убеждены, что «из детских привязанностей к людям, выросшим в начале XX века, и к вещам из их (нашего) детства и молодости происходит и наша общая любовь к блошиному рынку» [Там же, с. 149]. Вещи, будучи неотделимыми от их собственников, непременно ассоциируются с теплыми воспоминаниями счастливого детства. Известно, что материальные предметы способны формировать и осваивать исторические пространства, побуждать к действиям и рождать человеческие эмоции в повседневном режиме.

Возможно, с детства авторы сохранили любовь к азартным и нерациональным поступкам там, где дело касается каких-либо личных увлечений, например коллекционирования. При всем профессионализме тех, кто занимается этим делом, невозможно отрицать их витальную экстравагантность и готовность платить немалые суммы за свой приватный интерес к порой странным и непрактичным предметам. Но это как раз тот случай, когда материальное (марки, антиквариат, значки и т.д.) создает вселенную коммуникационных связей между коллекционерами, конструирует содержательный контент и новые социальные смыслы. Именно в эту ловушку обречены были еще с детства угодить наши обаятельные и искренние авторы.

После репрезентации своих биографических и аксиологических предпочтений И. В. и Н. В. Нарские приглашают читателя на блошинные просторы европейского и российского рынков. Как и многие исторические вопросы проблема происхождения «блошки» спорна и вариативна. Авторы книги останавливаются на версии об относительной молодости данного феномена и датируют его появление финалом XIX столетия. Одновременно французский образец признается ими в качестве классического, несмотря на более древнюю и более распространенную германскую традицию.

Самопрезентация И. В. и Н. В. Нарских на толкучке сразу же привлекает внимание читателя искренним признанием в «неразборчивости» интересов и многозадачности поведения исследователей. Они идентифицируют себя как «безыдейных собирателей» всего, что приглянется и понравится. Может быть, все-таки прав был пермский участник презентации книги, дерзко заявивший Игорю Владимировичу о пользе подзаголовка о дилетантизме авторов? Приходить на «блошку» без всякой конкретной цели есть показатель праздного шатания и непрофессионального подхода к делу. Но так ли это?

Может быть, главное – непредсказуемость находки, которую, по счастью, посетитель рынка старых вещей неожиданно для себя обнаруживает и приобретает, азартно и с нетерпением ожидая нового исторического приключения в прошлое? Ведь за каждой вещью начинается «вещная» жизнь, т.е. потребность атрибутировать купленный предмет, погрузиться по возможности в его происхождение, время существования, жизненную траекторию, биографию его потенциальных владельцев и т.д. Вот здесь и начинается захватывающее тебя целиком историческое исследование, соответствующее профессиональным наклонностям авторов. Совсем не исключено, что в конце пути можно будет сделать вдохновляющий вывод о редкой удаче нового приобретения. В любом случае искателю интеллектуальных приключений стоит пройти этим маршрутом культурного самообразования и тем самым приобрести уникальный опыт экспертной практики.

Одновременно с основным материалом представленная книга нередко содержит культурно-антропологические зарисовки тех или иных европейских и российских городских уголков. Они напоминают хорошо известный еще по отечественной литературе XIX столетия жанр путевых заметок. Имея счастливую возможность совершить пешую прогулку по Риму, будущие авторы стартовали от «Испанской площади, как и положено для “римских каникул”» [Там же, с. 197], которая привела их «на небольшую пустынную площадь – город... отдыхал от туристов – где-то недалеко от левого берега Тибра между мостами Умберто и Кавура» [Там же]. Далее следуют не менее точные и обстоятельные нюансы работы импровизированного мини-рынка старинных вещей.

Еще более подробно читатель знакомится с большим количеством скрупулезно выполненных описаний всех особенностей той или иной «блошиной безделушки». Их поистине громадное количество. Однако это вовсе не раздражает, потому что выдает профессиональные и эмпатические пристрастия Игоря и Натальи к объектам их увлечения. Интересно и то, как новообретенные вещи в руках их владельцев получают шанс на очередную жизнь. Нам суждено лишь отдаленно представить себе, каким образом вдруг деревянное колесо «от крестьянской телеги может использоваться как основа для многорожковой люстры, дамская шляпа – в качестве абажура, питьевой стакан – как карандашница, старая негодная крюшонница – как цветочный горшок» [Там же, с. 201]. Все это, безусловно, меняет прежний жизненный уклад и создает иное пространство существования человека, провоцируя его на разнообразные креативные эксперименты. Итак, вещи делают нас другими.

Человек на толкучке не похож на самого себя в повседневной рутинной практике. Во-первых, необходимо рано прийти на рынок, иначе ассортимент, выложенный на прилавок, будет беднее час от часа. При этом стоит дожидаться времени окончания работы, когда торговцы начнут сбывать товар по низким ценам, т.е. путешествие явно затянется на длительное время. Во-вторых, пребывание на «блошке» неизбежно сопровождается выбросом адреналина, азартом охотника за золотым руном. Из большого количества вещей в условиях достаточно жесткой конкуренции со стороны других посетителей ты должен поймать удачу. Это сравнимо с рыбалкой или грибной охотой, где только у немногих есть результат, а у остальных – нет. В-третьих, выбрав вещицу, потенциальный покупатель вступает в неравный интеллектуально-коммерческий спор с продавцом во имя лучшей цены, а возникший публичный батл имеет шанс затянуться надолго (не исключено, что на несколько дней и даже дольше). Наконец, никто не застрахован от покупки элементарной подделки, что заставляет быть в постоянном напряжении в течение всего периода пребывания на блошином рынке.

Все вышеперечисленные нюансы подробно (с конкретными примерами) представлены и аналитически интерпретированы в работе Игоря и Натальи Нарских. Здесь заинтересованный читатель обнаружит не один «моральный и материальный кодекс» блошино-рыночных отношений, а также правила хорошего тона и принятый в данном обществе политес. И все же дополнительный интерес как подготовленной публики, так и дилетантов могли бы вызвать более пространственные размышления авторов о географической специфике неписанных законов блошки.

Центральное место всей обсуждаемой проблемы в целом и конкретной книги в частности занимают люди, участники многочисленных коммуникаций, возникающих на бесчисленных просторах блошиных рынков. Орден посвященных формируется стихийно, с разной скоростью и численностью, возрастной и гендерной вариативностью, правилами входа и внутренней иерархией. «Блошка» в определенном смысле может быть представлена образом коммунальной квартиры. Здесь присутствуют небольшие (маленькие) «комнатки-прилавки», места «общего пользования», кухонные пересуды (сплетни) и конфликты при использовании чужой «посуды» (вещи, места), настороженное отношение к чужакам, суэта и толчея с раннего утра и т.д. Заслужить расположения местной публики очень непросто не только новичкам, но и старожилам, про которых их коллеги редко готовы говорить в комплиментарном стиле. Блошинный рынок – это ярмарка тщеславия, функционирующая по правилам конкуренции, где обладатель вещи обязан позиционировать себя в роли лучшего эксперта.

И все же здесь имеются свои авторитеты. Для авторов книги им в первую очередь стал Манни. Манфред Герман Вальтер превратился сначала в своеобразного арт-гида по сокровищам толкучки, но вскоре приобрел статус приятеля и даже друга. Он поздно пришел в профессию торговца антиквариатом, но сумел достичь в ней впечатляющих высот и признания коллег. Имя Манни в некотором смысле можно поставить в ряд соавторов обсуждаемой книги, с чем вряд ли будут спорить Игорь и Наталья. Их исследование не только начинается и заканчивается знакомством и прощанием с Манни, но и наполнено бесконечными воспоминаниями о нем на протяжении значительной части работы. В длинном перечне имен, встречающихся в тексте, его образ вырастает до сакральных размеров.

Сильное эмпатическое чувство авторов к Манни, прежде всего Игоря Нарского, отчетливо прорывается в связи с его неожиданной смертью, когда, по признанию Игоря Владимировича, у него возникло щемящее чувство утраты близкого друга. В самом конце работы, в отдельном послесловии, читатель сталкивается с искренней рефлексией произошедшего. «В ночь с 19 на 20 августа 2019 года, почти через полтора года после смерти Манни, он мне приснился, чего до того дня не припомню. Мне привиделось, что мы вместе путешествуем поездом и я отдаю ему на хранение старинное кольцо, которое наяву приобрел у него за несколько дней до его смерти в марте 2018 года», – детализирует Игорь Нарский [Там же, с. 768]. Очевидно, что «вещные» (в данном случае – «блошинные») практики нередко переопределяют траектории нашего повседневного существования (и не только). Вообще, эмпатические модуляции формируют текстологическую природу данной книги.

Еще одним своеобразным культур-антропологическим стоп-краном для потенциального читателя могут быть смелые разножанровые экскурсии авторов в многочисленные исторические, политические, гендерные, военные, возрастные, персонифицированные и другие репертуары, представленные на блошином рынке. За иллюстрированным альбомом маячат история мировой войны, визуальное восприятие феномена вожизма, церемонии и ритуалы («сценарии власти») военного времени. За орденами, медалями, фотографиями, монетами, марками, выполненными в жанре «милитария», всплывают истории военной повседневности, плена, ранений и личных трагедий участников катастрофических событий. Броши, браслеты и дамские часики маркируют гендерные особенности бытования «блошиной мифологии». Наконец, игрушки, плюшевые мишки, шарики погружают читателя в занимательные рассказы о далеком и близком детстве наших предков. К числу очевидных достоинств работы следует отнести стремление авторов максимально расширить репертуарный диапазон «блошинных сюжетов».

И все же зачем писать книгу о своих увлечениях? Игорь Нарский уже не в первый раз превращает собственный жизненный опыт в объект исследовательского интереса, провоцируя многих коллег по «историческому цеху» на неприятные вопросы и критику. Более того, представленный текст (отдельные мини-разделы) отличается не только профессиональной смелостью, но и прямо-таки игрой на грани фола. Описывая свою страсть к коллекционированию старинных вещей, Игорь Владимирович не постеснялся признаться в прохладном отношении к музейной институции. «Ни советские столичные и провинциальные музеи из моего детства, ни увиденные в сознательном или зрелом возрасте мировые шедевры музейного дела не производили на меня ошеломляющего впечатления», – констатирует он [Там же, с. 370].

Комментарии к сказанному могут быть различными. Здесь уместно вспомнить снобистскую модель «культурного неоимпериализма», посредством которой Ж. Бодрийяр объяснял феномен коллекционирования. Собиратель старины, движимый азартом, наделяет вещи разнообразными смыслами, ощущает себя хранителем «тайного знания», покорителем «чужой» культурной традиции, способным ее раскодировать и интеллектуально приручить. Не исключено, что после некоторого удивления и осуждения читатель отнесется к словам Игоря Нарского с благодарностью и даже легким чувством зависти за его способность к столь смелым репутационным рискам, несвойственным академическому сообществу вообще. В любом случае текст книги заставляет «воображать» нетривиальные мотивы тех или иных авторских высказываний.

Перед нами книга с безусловными исследовательскими и академическими интенциями. Авторы убедительно фиксируют невнимание экспертов к многочисленным (в том числе и

«блошиным») сюжетам новой культурной истории, статуировавшейся в 1980-е гг. и предложившей иную оптику профессиональной гуманитарной работы. Разочарование в длительных попытках построения линейных, прогрессистских моделей макроисторического развития и непредсказуемость глобальных событий прошлого столетия детерминировали революционный интерес специалистов к изучению негероического прошлого, незаметного частного бытования людей, возрастных и гендерных проблем, климатических и материальных субстанций человеческого существования. Кратно расширился традиционный перечень исторических источников за счет семейных эго-документов, визуальных, устных и других «уликовых» свидетельств, что усилило акцент на нестандартные методы исследования.

Историк, скорее всего, имеет дело с неким объемом «осколков прошлого», не притязая на непосредственную апелляцию к нему. Наши высказывания «о прошлом покрыты толстым панцирем, связанным не с самим прошлым, а с его исторической интерпретацией и со спорами по поводу альтернативных исторических интерпретаций» [Анкерсмит, 2009, с. 75]. Конструктивистская парадигма позволяет репрезентировать представления современников о минувшем и тем самым объяснять разнообразные смыслы существования в настоящем. Именно этот подход выбран в качестве главного осмысляющего начала в тексте обсуждаемой работы. Старинные вещи – удачный артефакт для концептуализации собственных профессиональных исторических воззрений и их радикальной проработки. Возможно, для этого и написана книга?

Участь рецензента или критика почти всегда незавидна. Большой риск не постичь содержательной глубины рецензируемого произведения и даже приписать его авторам собственные, «чужие» представления. Однако данная книга является исследовательским продуктом, телеологически ориентированным на дополнительную рефлексию читателя. С этой задачей И. В. и Н. В. Нарские, безусловно, справились.

Книга получила признание, так как ее тираж уже раскуплен. Остается сожалеть о том, что вместо излишне претенциозного мужчины на презентации в г. Перми не оказался В. А. Гиляровский, с которым у авторов непременно состоялся бы незабываемый диалог.

Библиографический список

- Нарский И., Нарская Н.* Незаметные истории, или Путешествие на блошинный рынок (Записки дилетантов). М.: Новое литературное обозрение, 2023. 848 с.
- Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 09.01.2024

NOTABLE HISTORY OF «NON-FLEA» DIMENSION. AN OUTSIDER'S OPINION

K. I. Shneider

Perm State University, Bukirev str., 15, 614068, Perm, Russia
kshneyder@yahoo.com
SPIN: 2226-8260

In the second half of the previous century, the Humanities underwent revolutionary changes. The traditional modern paradigm, characterized by a linear and progressive approach to macrohistorical processes, faced constant criticism. Global, unpredictable events further fueled academic skepticism and shifted the emphasis from traditional ideological, institutional, and political subjects towards the consideration of private subjects of the invisible everyday life of the “little man”, Memory Studies, new intellectual history, Cultural Anthropology, and Public History. The complex of historical sources has significantly changed, with a notable increase in the utilization of family ego-documents, visual and gender perspectives on the past. The presented article attempts to analyze the key themes explored in the book written by I.V. Narskii and N.V. Narskaya, dedicated to the study of the flea market phenomenon through the methodological lens of the “cultural turn”. The authors, professional historians and sociologists, define the genre of their work as “lyrical historiography”. They have sufficient experience in “participant observation” of the functioning of “flea” markets both in Russia and various European countries in recent times. The book includes a detailed exploration of the history of the tradition of buying and selling antiques, as well as a discussion of

basic concepts and the norms and practices surrounding the studied phenomenon. The innovation of the authors are noted in the paper, since previously, “flea” markets did not become an object of special academic interest. One of the book's undeniable strengths is its accessible language and presentation of a variety of material, which contributes to the academic and literary style that dominates the text. The book being analyzed in the article has a strong potential to become a notable phenomenon in modern Russian historiography.

Key words: flea market, new cultural history, antiques, Russian history, material history, communication, “lyrical historiography”.

References

Ankersmit, F.R. (2009), *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metaforu* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor], Kanon +» ROOI «Reabilitasiya», Moscow, Russia, 400 p.

Narskii, I. & N. Narskaya (2023), *Nezametyne istorii, ili Puteshestvie na bloshini runok (Zapiski diletantov)* [Unnoticed stories, or a trip to the flea market (Notes of amateurs)], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 848 p.